

И СНОВА Смоленский драматический театр возобновил свои гастроли в колхозах и совхозах. До этого был перерыв — прошлым летом мы по районам не ездили. Но именно наш театр еще в 1956 году первым предпринял летние гастроли по колхозам своей области. В ту пору мы не предполагали, что это станет началом очень большого и нужного дела. Мы ставили тогда перед собой скромную цель — привлечь к своему театру более широкую аудиторию.

Спектакли для деревни играли до нас и другие театры. Там, разницы выезжали иногда в один из крупных Домов культуры своей области, в который и съезжались люди из окрестных сел. Но Смоленские внесли в эти гастроли нечто новое. Коллектив взял два спектакля и двумя группами на полтора месяца выехал в турне непосредственно по колхозам и совхозам. Инициативу поддержали обком партии и облисполком, оказавшие нам большую практическую помощь. А каждое прогрессивное начинание поздно или рано находит последователей. Нашел их и наш почин. Министерство культуры призвало другие театры следовать нашему примеру. И теперь трудно найти такой театр, который бы не выезжал в такие же гастролы.

Наши спектакли идут большей частью под открытым небом. Театром становится поляна с пригорком для «партера» и «амфиатра» или берег живописной речушки, или другое сколько-нибудь подходящее место. Реже играем в шухе или недостроенном коровнике и совсем редко — в колхозных клубах.

Зеленые магистралы

ЗАМЕТКИ АКТЕРА

Спектакли идут и в жару, и в непогоду. Занавес не закрывается и тогда, когда на артистов и зрителей льет дождь — стараемся только спрятать детей в автобус.

Дают себя знать театру смоленские дороги. Это ведь большей частью не гладкий асфальт. Машины с декорациями и автобусы с актерами часто идут на буксире трактора. Иногда актеры пересаживаются на сани-волокуши. Бывает и так: машины засели в грязь, трактора нет, тогда мы их толкаем, часами подкапываем, много раз усталие и испачканные сидим до утра в машинах — утро вечера мудренее.

Гастроли по районам в нынешнем году начались 5 июня. Выехали тремя бригадами. Подготовили «Волки и овцы» Островского, «Машеньку» Афиногенова, «После двенадцати» Константинова и Рачера.

В третьей бригаде (спектакли «После двенадцати») выехали актеры Шипков, Толмачева, Царава, Калининченко, Маркина, молодежь, пришедшая в театр в этом сезоне. — Волода Ключник, Дина Прохорова, Николай Бабич. Административное руководство бригадой возложено на актера Никифорова. Как же идут наши спектакли теперь, что нового внесено в них за эти годы? Расскажу о некоторых впечатлениях, вынесенных в первые дни гастролей нашей, третьей, бригадой. «В прошлые годы каждая теат-

ральная бригада выпускала перед представлениями «боевые листки». В них отражалась трудовая жизнь колхоза, в который прибывала бригада. Это устанавливало контакт со зрителем еще до открытия занавеса. В листках отмечались местные передовики, критиковались отстающие. Необходимые сведения мы получали от руководителей хозяйств и секретарей партийных организаций. В выпуске «боевых листков» участвовали по мере возможности все актеры. Писали короткие заметки, частушки, рисовали дружеские шаржи. Уезжая, «боевые листки» оставляли колхозу. Потом в театр приходили письма с благодарностью, в которых иногда сообщалось, что кто-то стал лучше работать. Это было хорошей формой связи со зрителем. Жаль, что теперь ее забросили.

...Еще — о радиофикации наших выездов. В прошлые годы она была, может быть, и не совсем «на высоте», но теперь она просто плохая. (Я имею в виду особенно нашу, третью, бригаду). Раньше бывало так. Далеко от места, где останавливался театр, слышно было музыку, песни. И люди тянулись к нам, как на огонек. В антрактах играли танцы. Кончался спектакль, глубокой автобус, заполненный актерами с букетами полевых цветов (знак благодарности зрителей), снова выезжал на зеленую маги-

страль. На месте театра остались четыре столба — здесь была сцена, ее разобрали и грузят в машину. Поляна пустеет. А музыка звучит и звучит. Это были прощальные мелодии, и при расставании всем становилось немножко грустно. У всех — у отъезжающих и остающихся — надолго сохранялось хорошее чувство. Кто же создавал это хорошее настроение, эту «музыкальную» обстановку? Был такой человек — в кирзовых сапогах, в солдатских брюках, загорелый, с открытой улыбкой, озорными глазами и душой художника. Это был Женя Быков, хороший радист. Теперь он у нас не работает. И нет того, что было. Сейчас наши спектакли напоминают иной раз немое кино — без усиления звука половина зрителей их не слышит. Не стало музыки, песен и танцев, и обитые театра в деревню отчасти утратило прежний характер массового праздника. Мне кажется, не следует мириться с этим.

...О помещениях, в которых даются спектакли. Выступления на открытом воздухе имеют свои неудобства. Зрители вынуждены терпеть жару или холод, иной раз, как уже сказано, сидеть под дождем. Невозможно бороться на открытой площадке с шумом. Случалось — группе зрителей не нравился спектакль или они по какой-то другой причине не досматривают его до конца. И вот они

заводят тут же стоящие мотоциклы, машины и с громкими разговорами отъезжают восвояси. Какое уж впечатление остается у остальных зрителей от спектакля, положившего его на них не расслышали! Я не говорю уже о том, как такая обстановка раздражает артистов.

Есть колхозные и совхозные клубы. Они большей частью малы — на 150—200 человек, зрителей же собирается человек четырех и больше. В клубе нечем дышать, половина зрителей сидит на ногах. Поэтому мы стараемся подыскивать сколько-нибудь пригодные, более просторные помещения. Пусть это будет шуха, достаточно четырех стен и того, что люди не теснятся и смотрят спектакль сидя.

Есть еще одна выход. Играем мы каждое лето почти в одних и тех же местах. Может быть, следует подумать о постоянных летних помещениях облегченного типа. Материал может быть самый дешевый: доски, щепы, шифер. Мы видели подобные помещения, а в одном даже играли. В них могли бы выступать и коллективы художественной самодеятельности. В Смоленске открылся Народный театр юного зрителя, он тоже сможет выезжать в эти места со своими спектаклями.

Мы, актеры Смоленского театра, первыми открыли зеленые магистрали. Хотелось бы, чтобы молодежь колхозов проявила инициативу, чтобы спектакли, которые приходят в колхозы по этим «зеле-

ным магистралям, доходили бы до зрителей на высоком художественном уровне. А это возможно, если мы укроем их от непогоды и всего, что снижает их качество.

За восемь лет со времени первого выезда театра на село колхозный и совхозный зритель заметно изменился. Теперь он уже не принимает того, что принимал раньше. Культура села выросла. Пришли люди с высшим и средним техническим образованием. Председатели колхозов, как правило, образованные агрономы. Много вернулось в колхозы молодых людей из городов, с промышленных предприятий, с дипломами из институтов и техникумов. Вся эта молодежь за период учебы прошла в городах через театры, концертные залы, музеи.

За эти годы, особенно после встреч руководителей партии и правительства с работниками искусства, после июньского Пленума ЦК КПСС, усилилась работа на местах по идейному и художественному воспитанию. Появились колхозные университеты культуры. Чаще стали бывать в деревне писатели, поэты, лекторы.

И в теперешние гастроли мы почувствовали, как возрос культурный уровень сельского зрителя, насколько повысились его требования к театру. Он стал разборчивее и не на каждый спектакль идет с равным интересом.

Наш долг — долг театра и всех культурных организаций — сделать все, чтобы выполнить возросшие требования трудящихся села.

В. КАЛИНИЧЕНКО,
артист Смоленского театра,
лауреат Государственной премии.